К ПУБЛИКАЦИИ ПЕРЕВОДА ВИТГЕНШТЕЙНОВСКИХ ЗАМЕТОК О «ЗОЛОТОЙ ВЕТВИ» Дж. ФРЭЗЕРА

З. А. Сокулер

Все значение и глубина идей Л. Витгенштейна до сих пор по достоинству не оценены, а их содержание — не проработано. Это становится ясным по мере того, как из архивов извлекаются и публикуются все новые и новые заметки, записные книжки, конспекты лекций Витгенштейна, сделанные его учениками. Они открывают новый облик этого мыслителя, столь отличный от расхожего образа логического или лингвистического позитивиста, каким его все еще иногда изображают по инерции. К числу материалов такого рода принадлежат и записки о «Золотой ветви» Дж. Фрэзера [1]. Эти заметки уже неоднократно привлекали внимание зарубежных исследователей [2].

Книга известного английского религиоведа и этнолога Дж. Фрэзера (1854—1941) известна советским читателям и вызывает неослабный интерес. Не случайно за последние годы она выдержала в нашей стране два издания (1980 и 1983 гг.). Эта книга и в самом деле уникальна по богатству этнологического материала, которому Фрэзер пытается дать единое систематическое объяснение.

Поэтому соображения Витгенштейна по поводу данного труда Фрэзера представляют особый интерес. Одна их группа содержалась в записных книжках 1930—1931 гг.; они делались в процессе знакомства Витгенштейна с трудом Фрэзера. Вторая группа заметок появилась, как полагают их издатели, между 1936 и 1948 гг.; эти заметки делались на отдельных листах. Таким образом, это записи «для себя». В них часто встречаются повторы, и в то же время многие соображения, которые были очевидны и понятны самому Витгеншейну, остались в них неэксплицированными.

Поэтому тут будут нелишними известные пояснения. При этом я отдаю себе отчет в том, что ввиду неэксплицированности витгенштейновского текста любые пояснения будут интерпретациями, отражающими в первую очередь уровень понимания интерпретатора.

Почему же тон заметок Витгенштейна столь полемичен по отношению к Фрэзеру? В первую очередь для Витгенштейна были неприемлемы сциентизм и эволюционизм Фрэзера, которые в типичном мировоззрении XIX—начала XX в. шли рука об руку с прогрессизмом. С точки зрения Витгенштейна, в понятии «прогресс» самом по себе нет ничего замечательного или положительного. «Прогресс», как он отмечает, есть отличительная черта европейской цивилизации. Последняя ориентирована на то, чтобы

расти, ускоряться, увеличиваться, увеличивать темпы роста, темпы роста прироста, но все это не имеет никакого отношения к прогрессу в смысле усовершенствования или улучшения. Европейская цивилизация находится в процессе непрерывной ажиотации,но, с точки зрения Витгенштейна, бессмысленно представлять это как направленное движение от низшего и менее совершенного к состоянию высшему и более совершенному в каком-либо общечеловеческом смысле. Недаром в качестве эпиграфа к «Философским исследованиям» философ выбрал слова: «Характерное свойство прогресса состоит в том, что он кажется гораздо более значительным, чем есть на самом деле».

«Будущее мира,— писал как-то Витгенштейн,— мы понимаем как место, в котором окажется мир, когда, двигаясь по прямой, продвинется достаточно далеко. Мы не задумываемся при этом над тем, что он движется не по прямой, а по кривой» [3]. Но если цивилизация не движется по прямой, тогда, конечно, бессмысленно говорить, что она ушла вперед, поднялась на более высокую ступень. Ведь, двигаясь по кривой траектории, можно, продвигаясь вперед, зайти назад.

Витгенштейну было свойственно также острое чувство кризисности современной ему эпохи. Он вовсе не склонен был смотреть на свое время как на замечательный результат прогрессивного развития разума, нравственности, науки и производства. Подчеркивая свое расхождение с современной цивилизацией и культурой, Витгенштейн особо отмежевывается от науки и научности как их характерных черт. Так, например, в варианте предисловия к своей будущей книге он отмечает, что дух ее не имеет ничего общего с духом и стандартом научности и что ученые, скорее всего, не поймут его книги и его философии. «Я думаю,— говорит он также,— что дух этот (его книги.— *З. С.*) отличен от главных течений европейской и американской цивилизации. Дух этой цивилизации ... чужд автору. Это не оценочное суждение» [4].

В частности, с точки зрения Витгенштейна, невозможен прогресс в смысле большей рациональности и обоснованности наших знаний, нашей картины мира и образа жизни, в смысле достижения счастья.

Составной частью убеждения в научном и прогрессивном характере современной европейской цивилизации являются распространенные представления о ее антиподе — о ненаучных, ложных воззрениях «древних», от которых мы, как нам кажется, ушли столь далеко, что нам даже трудно поверить в возможность таких абсурдных представлений и основанных на них диких обычаях, пока нам не приведут каких-то рациональных объяснений, обосновывающих возможность подобных представлений и обычаев. И Фрэзер пытается строить рациональные объяснения такого рода. Он утверждает, что магическое мировоззрение аналогично научному в том смысле, что фундаментальное допущение магии совпадает с основным онтологическим допущением науки. В основе как магии, так и науки, с его точки зрения, лежит

признание порядка и единообразия природных явлений. В силу этого последовательность природных событий можно предвидеть и пытаться управлять ею. В результате подобного рационального объяснения и магия, и мифология оказываются всего лишь ложными теориями природных явлений. Таким образом, они лишаются всякой качественной специфики, скажем, по сравнению с наукой XIX или XX в. Разница лишь в одном — первые теории ложны, тогда как последние истинны. И даже очевидные различия в функционировании мифов и магии по сравнению с наукой не смущают Фрэзера. С его точки зрения, обряды и ритуалы выступают как ошибочная «технология», порожденная ложными теориями об устройстве мира.

Более конкретно, для Фрэзера «магическое мышление основывается на двух принципах. Первый из них гласит: подобное производит подобное, или следствие похоже на свою причину. Согласно второму принципу, вещи, которые раз пришли в соприкосновение друг с другом, продолжают взаимодействовать на расстоянии после прекращения прямого контакта. Первый принцип может быть назван законом подобия, а второй — законом соприкосновения или заражения . . . Гомеопатической, или имитативной, магией можно назвать колдовские приемы, основанные на законе подобия. Контагиозной магией могут быть названы колдовские приемы, основанные на законе соприкосновения или заражения» [5].

Таким образом, Фрэзер объясняет магию как ошибочную *теорию о закономерностях внешнего мира*. Подобному объяснению Витгенштейн противопоставляет свою трактовку магии как символического (и потому существенно языкового, связанного со знаком) явления. И в этом плане настоящие заметки оказываются очень ценным материалом для осмысления витгенштейновской концепции языка и языковых ловушек.

Витгенштейн настойчиво проводит мысль о том, что символическое и ритуальное изначально понятно и современному человеку. Расхожие представления о прогрессивности европейской цивилизации формируют мнение европейца о себе самом как человеке более рациональном, нежели люди далекого прошлого. Современный человек и самого себя воспринимает как продукт прогресса, прежде всего научного. Он верит, что его сознание «очищено» от того темного и стихийного, что было присуще, скажем, первобытным людям и их магическому сознанию. Такого рода представления нашли свое преломление и в фрэзеровских эволюционных объяснениях «европейских праздников огня». Фрэзер говорит, что эти обряды — в том виде, как они наблюдались в отдельных районах Европы еще в XIX в., — имеют, несомненно, очень древнее происхождение и что в далеком прошлом в таких случаях действительно подвергались сожжению живые люди.

Витгенштейн же критикует подобное объяснение, содержащее гипотезу о древности обряда и его исходной исторической форме. Однако, как мне кажется, он не выступает здесь как критик истори-

ческих объяснений или идей эволюции вообще. Дело в том, что в данном конкретном случае — когда речь идет о происхождении обрядов и ритуалов и о том, почему между обрядами, существовавшими у разных народов, наблюдается «семейное сходство» — историческое, эволюционное объяснение является, с точки зрения Витгенштейна, *псевдообъяснением*. Большинству людей утверждение Фрэзера о древности «праздников огня» и об их связи с человеческими жертвоприношениями покажутся совершенно очевидными. Заметим, что они очевидны до и независимо от каких-либо конкретных археологических, энтографических и прочих свидетельств (да, собственно, Фрэзер таковых свидетельств и не приводит). Это и означает, что фрэзеровское объяснение не является ни историческим, ни эволюционным. А вред его, с точки зрения Витгенштейна, состоит в том, что оно мешает задать вопрос о том источнике, из которого проистекает уверенность в древности ритуала и связи его с человеческими жертвоприношениями. Витгенштейн же привлекает внимание к тому, что и для нас, современных людей, «внутренняя логика» этого ритуала совершенно понятна. Это означает, что и для нас символическое и его ритуальное измерение сохраняют свой внутренний смысл. На то же нацелено и такое, например, замечание Витгенштейна, что мы сами способны придумывать обряды и ритуалы.

В своем сочинении Фрэзер отмечает, что некоторые предания исполнялись как магические обряды, т. е. существовали в форме драматизированного представления. Но это отнюдь не предостерегло Фрэзера от трактовки магических представлений как ложных *теорий*. Для Витгенштейна же именно действенная, ритуальная сторона магического выступает как определяющая. Для него магия — это не воззрение, а *форма жизни*, или, как бы мы сказали, форма социальной организации человеческой деятельности и человеческого опыта, познавательного и эмоционального. Витгенштейн стремится утвердить ту мысль, что относительно чуждого, непонятного образа действий или формы жизни бессмысленно говорить, что они «ложны». Формы жизни просто наличествуют и не опираются на теорию или мнение. Потому они не нуждаются в оправдании.

При этом функционирование языка выступает как неотъемлемая органическая часть сложного социального целого — практики, «языковой игры». Витгенштейн недаром стал говорить вместо языка о «языковых играх», а позднее — о «формах жизни». Такое изменение является не терминологическим, но концептуальным и даже мировоззренческим. В «языковой игре» язык, так сказать, живет. В ней он *используется*. А вне ее, вне многообразия использований, т. е. так, как принято рассматривать язык в аналитической философии, он превращается в окаменелость. Нельзя, чтобы анализ структуры окаменелости подменял собой рассмотрение функционирования живой системы.

Публикуемые заметки дают любопытные примеры того, каким видится Витгенштейну разнообразие использования языковых выражений, их «жизнь», вплетенная в ткань тех или иных форм жизни. Так, Витгенштейн обращает внимание на дрейф значения выражения «Хлебный волк», на специфику использования слов типа «мертвый», «прекрасный».

Рукопись, составившая первую часть настоящих заметок, начиналась следующей, позднее вычеркнутой Витгенштейном, записью: «Я полагаю теперь, что было бы правильно начать мою книгу с заметок о метафизике как особом виде магии. Но в них я не должен ни говорить в защиту магии, ни высмеивать ее. От магии должно быть удержано глубокое. Да, исключение магии само носит магический характер. Ибо, когда раньше я начинал говорить о „мире" (а не о дереве или столе), я не хотел ничего иного, как заклинать своими словами что-то высокое» [6]. Витгенштейн неоднократно проводил аналогию между философствованием (метафизикой) и первобытно-магическим способом мышления. «Когда человек может вообразить, что в механизме в каком-то загадочном смысле содержатся уже все его возможные движения?— Тогда, когда он философствует. А что приводит к тому, чтобы думать подобным образом?— Тот способ, каким мы говорим о механизме. Мы говорим, например, что механизм *имеет* [обладает] такие-то возможные движения... *Возможные* движения, что это такое?... Это может быть что-то вроде тени настоящего движения... Когда мы занимаемся философией, мы подобны диким, первобытным людям, которые слышат выражения цивилизованных людей, интерпретируют их ошибочным образом и извлекают из них престранные выводы» [7]. Подобная аналогия в устах Витгенштейна вовсе не случайна, но имеет концептуальное значение. Ключ к ее пониманию дают опять-таки материалы настоящих заметок. Представляется, что Витгенштейн имеет тут в виду тип философствования, связанный с анализом значения языковых выражений, причем последние берутся вне их использования. Значения трактуются как автономные — конкретные или абстрактные — объекты, сущности, соответствующие языковому выражению. Но это — верный путь к тому, чтобы населить универсум философского рассуждения магическими объектами и отношениями. Какова, например, та общая сущность, которая присуща всем тем разным предметам, последовательно называемым «Хлебным волком»? Это ведь не что иное, как дух хлеба, существование которого предполагало анимистическое сознание! Таким образом, несмотря на очень конкретный повод, по которому писались настоящие заметки Витгенштейна, их содержание имеет большое значение для понимания узловых моментов его концепции: проблемы языка, значения, природы философских затруднений.

Настоящий перевод сверен с оригиналом А. А. Столяровым, которому я искренне признательна за помощь в редактировании текста.

[1] *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., 1980.
[2] *Cioffi Fr.* Wittgenstein and the fire-festivals // Perspectives on the philosophy of Wittgenstein. Oxford. 1981. P. 212—237; *Phees R.* Wittgenstein on language and ritual // Wittgenstein and his times. Oxford 1982. P. 69—107; *Hübscher P.* Der Einfluss von Johann Wolfgang Goethe und Paul Ernst auf Ludwig Wittgenstein. Bern etc., 1985. Kap. 4: Wittgenstein und Paul Ernst: Bemerkungen über Frazer.
[3] *Willgenstein L.* Culture and value. Oxford, 1980. P. 3.
[4] Ibid. P. 6.
[5] *Фрэзер Дж.* Указ. соч. С. 19.
[6] *Wittgenstein L.* Remarks on Frazer's «Golden Bough». Atlantic Nighlands (N. I.), 1949. P. VI. Перевод выполнен мной по данному изданию.
[7] *Wittgenstein L.* Philosophical investigations. Oxford. 1953. § 194.

Л. ВИТГЕНШТЕЙН
ЗАМЕТКИ О «ЗОЛОТОЙ ВЕТВИ» Дж. ФРЭЗЕРА

I

Начинать надо с заблуждения и его превратить в истину.

Это означает, что надо найти источник заблуждения, иначе нам будет бесполезно услышать истину. Она не может встать на свое место, пока оно занято чем-то другим.

Чтобы убедить кого-то в истине, недостаточно констатировать ее, но требуется найти *путь* от заблуждения к истине.

Я должен снова и снова погружаться в воды сомнения.

Фрэзеровское изображение магических и религиозных воззрений неудовлетворительно: он представляет эти воззрения как *заблуждения*.

Значит, и Августин заблуждался, когда на каждой странице своей исповеди он упоминал бога?

Но — можно сказать,— если он не заблуждался, то не заблуждался и буддийский — или любой другой — святой, чья религия выражает совсем другие воззрения. *Ни один из них* не заблуждался, кроме как в случае, когда пытался строить теорию.

Уже сама идея объяснения обычаев — вроде предания смерти божественного правителя — кажется мне ошибочной. Единственное, что это дает — в существование такого обычая легче поверить людям, думающим так же, как и Фрэзер. Весьма примечательно, что все эти обычаи изображаются в конце концов как какие-то глупости.

Но никогда не станет правдоподобным, что люди проделывают все это из чистой глупости.

Когда он объясняет нам, например, что божественный правитель должен быть убит в самом расцвете сил, потому что, по представлениям дикарей, в дряхлеющем теле будет дряхлеть и душа, то тут можно только сказать: когда обычай и воззрение идут рука об руку, то не обычай вытекает из воззрения, но просто они оба есть.